

Алюшева А.Р. Овладение репертуаром культурных жизненных сценариев как фактор развития макроструктуры автобиографической памяти

English version: [Alyusheva A.R. Acquisition of cultural life scripts repertory as a factor of autobiographical memory macrostructure development](#)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Рассматривается становление макроструктуры автобиографической памяти как результат согласованного взаимодействия процессов социализации и индивидуализации в ходе развития данной мнемической подсистемы. Раскрывается положение о том, что источником социальной обусловленности автобиографической памяти является присвоение культурных жизненных сценариев. Ставится вопрос об источниках индивидуализации содержания автобиографической памяти. Обсуждается гипотеза о вариативности культурных жизненных сценариев даже в рамках одной общности, поскольку субъект обладает возможностью выбирать из потенциально доступных сценарных форм те, по образцу которых он будет строить личную историю прошлого. Предложены следующие типы сценариев, выступающих в качестве социокультурных средств организации автобиографии: типичный, семейный, медийный.

Ключевые слова: автобиографическая память, развитие, культурный жизненный сценарий, типичный сценарий, семейный сценарий, литературный сценарий, нарратив, автобиографическая аргументация

Индивидуальное личностное – не contra, а высшая форма социальности.

Л.С.Выготский. Конкретная психология человека

Откуда подросток узнаёт, как люди обычно проживают жизнь и что из своего автобиографического опыта следует сохранить в памяти? Отчего значимые воспоминания различных людей похожи друг на друга, и при этом для каждого рассказчика характерно во многом парадоксальное переживание уникальности личной истории? Очевидно, постановка вопросов о том, какие события и ситуации формируют жизненный путь человека и как строится репрезентация прошлого, требует обращения к психологической структуре, ответственной за формирование, поддержание и развитие самосознания личности в диахроническом измерении – автобиографической памяти (АП). Автобиографическая память определяется как высшая мнемическая функция, организованная по смысловому принципу, оперирующая с личностно отнесенным опытом [Нуркова, 2009].

В настоящее время одним из наиболее продуктивных и эвристичных подходов к изучению автобиографической памяти является социокультурный подход [Berntsen, Rubin, 2004; Habermas,

Bluck, 2000; Nelson, Fivush, 2004; Wang, 2006]. Согласно исследователям данного направления, автобиографическая память является онтогенетическим новообразованием, имеющим культурно специфичные формы и развивающимся в социальном взаимодействии. На тему социальной обусловленности автобиографической памяти проведено множество исследований, результаты которых отражают важность родительского участия и поощрения воспоминаний ребенка, а также значимость для становления целостной автобиографии представлений о типичном содержании и «расписании» событий жизни. Последние заложены в так называемых культурных жизненных сценариях, которые предписывают, что субъекту следует помнить о своей жизни, то есть определяют критерии отбора важного автобиографического материала. Таким образом, избирательность автобиографической памяти достигается посредством усвоения внешних образцов событийной организации жизни по мере социализации.

Культурный жизненный сценарий как средство организации личного прошлого

Понятие «жизненный сценарий» возникло в рамках конкретного психотерапевтического направления – транзактного анализа, и в последнее время широко используется для обозначения существующих в различных культурах образцов проживания жизни. Э.Берн, основатель транзактного анализа, под жизненными сценариями понимал определенные модели, согласно которым человек организует свою жизнь [Bern, 1977]. Сценарии, таким образом, так же как и стереотипы, выполняют функцию упорядочивания и значительного упрощения понимания субъектами системы социальных взаимодействий.

Если в концепции Э.Берна жизненный сценарий рассматривается проспективно, то есть как план, в соответствии с которым разворачивается деятельность человека по построению своей жизни, то в контексте исследований автобиографической памяти внимание уделяется специфике организации воспоминаний с ориентацией на культурные предписания (сценарий в ретроспективе).

Понятие «культурный жизненный сценарий» было введено в проблематику изучения автобиографической памяти Д.Бернтсен и Д.Рубиным и отражает разделяемые большинством членов определенной общности представления о типичной событийной последовательности жизни (что и когда должно произойти), а также приписываемую им значимость и валентность [Berntsen, Rubin, 2004].

Исследуя представления о культурном жизненном сценарии, авторы обычно просят испытуемых указать наиболее типичные события жизни человека, датировать их и оценить по критериям вероятности их присутствия в жизни самого испытуемого, субъективной позитивности и важности этих событий. Эмпирически показано, что сценарии достаточно четко сформулированы и разделяются большинством членов сообщества [Berntsen, Rubin, 2004; Bohn, Berntsen, 2011].

Универсальность культурных жизненных сценариев

По результатам кросс-культурных исследований представлений о сценариях можно сделать вывод о том, что сценарность личного прошлого – универсальный феномен (вариации не являются значимыми), проявление которого усиливается в процессе онтогенетического развития и социализации ребенка. Так, если сценарность в детских воспоминаниях еще представлена слабо, то уже 15-летние подростки при выполнении инструкции написать эссе о своей будущей жизни включают в него до 60% сценарных событий [Bohn, Berntsen, 2011]. Наконец, большинство

значимых событий, о которых вспоминает взрослый человек, представляя историю своей жизни, входят в содержание типичного жизненного сценария [Berntsen, Rubin, 2004].

При сравнении данных, полученных на российской и датской выборках, были выявлены определенные различия относительно представленности в жизненных сценариях периода детства. В исследовании, проведенном под руководством В.В.Нурковой, все респонденты оценили детские события как значимые и включили их в жизненный сценарий, в то время как среди датских респондентов таких оказалось всего 66% [Нуркова, Митина, Янченко, 2005; Berntsen, Rubin, 2004]. Более того, в российском культурном сценарии жизни конструкт «детства» оказался более развернутым (представлен событиями «рождение», «детский сад», «школа»).

В итоге типичный сценарий жизни современного молодого россиянина выглядит следующим образом: посещение детского сада с 3,5 лет, поступление в школу в 7 лет, первая влюбленность в 13 лет, выпускной бал в 16,7 лет, поступление в институт в 17 лет, первая работа в 20 лет, вступление в брак в 23 года, рождение ребенка в 25 лет (указан средний возраст, в котором, по мнению респондентов, происходят перечисленные события) [Нуркова, Митина, Янченко, 2005].

Подчеркнем, что культурные жизненные сценарии существуют в различных социумах и, при незначительных вариациях (по сравнению с датским в российском сценарии больше событий детства, в японском сценарии на 5 лет позднее локализуется «пик событий» и т.п.), обладают высокой универсальностью.

Источники развития представлений о культурных жизненных сценариях

Зарубежными коллегами изучается влияние единственного сценария на автобиографическую память – типичной для конкретной общности абстрактной схемы жизненной событийности. При этом вопрос об источниках формирования знаний о типичном сценарии жизни не ставится. Откуда же подросток заимствует данные представления и как они организуют его автобиографию?

Мы предполагаем наличие определенной вариативности сценариев даже в рамках одной культуры. Соответственно, подросток овладевает не одним сценарием, а широким репертуаром различных жизненных сценариев, специфика каждого сценария из совокупности ему доступных вносит свой вклад в индивидуализацию автобиографической памяти.

Можно выделить следующие виды культурных жизненных сценариев, участвующих в «форматировании» собственной личной истории:

- 1) типичный сценарий – представления об обычном жизненном укладе в данной стране;
- 2) медийный сценарий – представления о нормативных жизненных моделях из обихода для всех источников (литература, кинематограф, различные СМИ);
- 3) семейный сценарий – представления о жизни родителей, ближайших родственников, предков.

По степени обобщенности данные представления выстраиваются в определенный континуум: от максимально абстрактного типичного сценария до предельно специфичной семейной истории. В период развития ребенком, а далее – подростком, решаются задачи обобщения многообразия жизненных историй, которые ему рассказывают дома, в детском саду, в школе, а также которые он черпает из книг или видит в СМИ. Результатом этого процесса являются схемы событийной организации жизни – сценарии, которые как «идеальные формы» (по Л.С.Выготскому) интериоризуются и используются им для структурирования автобиографической памяти.

В данной работе раскрывается положение о том, что функции и структурно-содержательные

характеристики автобиографической памяти производны от уровня овладения своеобразием культурных средств, воплощенных во множестве жизненных сценариев. Чем лучше субъект владеет различными формами сценарности, тем оптимальнее организован его автобиографический опыт. Соответственно, для человека, способного к произвольному оперированию различными вариантами сценариев, характерна полифункциональность автобиографической памяти (доступность широкого функционального репертуара АП в зависимости от задачи обращения к прошлому опыту) и содержательное разнообразие АП (эксплицируются воспоминания разных типов, которые организованы в большее количество жизненных тем).

Цели исследования: проанализировать результаты современных психологических исследований развития автобиографической памяти; рассмотреть процесс овладения многообразием доступных субъекту сценарных форм в контексте проблемы социальной и культурной детерминации макроструктуры автобиографической памяти; выявить гипотетический источник индивидуализации субъективной картины личного прошлого как закономерной ступени в социальной детерминации развития автобиографической памяти.

Развитие структуры и функций автобиографической памяти

В развитии автобиографической памяти участвуют два разнонаправленных процесса: социализация и индивидуализация. С одной стороны, организуя воспоминания в единую личную историю, человек соотносит себя с социокультурными идеалами и традиционными представлениями, с другой стороны, идентифицируя себя с собственным прошлым, испытывает переживание неповторимости своей судьбы. Из тысяч потенциально доступных уникальных воспоминаний об отдельных событиях, являющихся единицами анализа автобиографической памяти, создается культурно обусловленная целостная «субъективная картина жизненного пути» (термин предложен Б.Г.Ананьевым).

Согласно моделям М.Конвея [Conway, 2005] и В.В.Нурковой [Нуркова, 2000], автобиографическая память имеет уровневую структуру, в которой дискретные воспоминания о конкретных эпизодах прошлого в процессе развития данной мнемической функции организуются в целостные жизненные темы и этапы, в результате чего создается личная история человека. Возникая на разных уровнях деятельности субъекта: операциональном, целевом и даже мотивационном (выстраивание автобиографии может стать самостоятельным процессом, что отличает АП от всех остальных видов памяти, обслуживающих задачи других психических функций), автобиографическая память обладает чрезвычайно пластичной феноменологией.

На операциональном уровне осуществляется произвольное воспроизведение мнемического материала, осознание которого происходит, как правило, в случае каких-либо сбоев, затруднений реализации текущей цели и т.п. Примером служат процессы поддержания определенного психического состояния, эмоциональная регуляция, создание того или иного настроения произвольными воспоминаниями о жизненных событиях. На целевом уровне осуществляется произвольное воспроизведение прошлого в зависимости от характера выполняемых субъектом действий. Так, автобиографический эпизод может быть рассказан с целью поддержать беседу, либо в прагматическом контексте (как средство решения жизненной задачи), либо для самопрезентации и т.д. И, наконец, актуализация в памяти значимых воспоминаний личного прошлого может стать достаточно автономной полимотивированной деятельностью (к примеру, написание мемуаров).

Мы рассматриваем произвольный уровень организации автобиографической памяти, содержания которой участвуют в формировании представлений субъекта о своей личности и целостной картины жизненного пути не ситуативно, а относительно устойчиво. Учитывая динамичность

структуры и пластичность воспоминаний, мы предполагаем, что корректно говорить именно об относительной устойчивости даже высшей формы организации автобиографического опыта – целостной истории прошлого, та как и она доступна для переструктурирования в результате резких личностных изменений, смены социальных ролей, кризисов и достижений новых идентичностей.

Функциональный потенциал автобиографической памяти

Функциональный репертуар автобиографической памяти обладает иерархической организацией, складывающейся в процессе онтогенетического развития. Первичными являются коммуникативные функции АП, формирующиеся посредством речевого взаимодействия ребенка и взрослого. Иными словами, ребенок вспоминает для того, чтобы поддерживать общение со взрослым. Причем способы реагирования родителей на воспоминания, которыми с ними делятся дети, влияют на развитие автобиографической памяти последних.

Эмпирически показано, что «разрабатывающий» стиль (поощрение развернутых, детализированных рассказов) способствует увеличению доступности личного прошлого для субъекта, а «прагматический» стиль (обращение к конкретному эпизоду с определенной целью, поощрение избирательности воспоминаний), напротив, приводит к затруднениям в работе с прошлым опытом [Fivush, Bauer, 2011]. Таким образом, на начальных стадиях развития автобиографической памяти дети заимствуют модель обращения к автобиографическому опыту, которую им презентуют родители.

В рамках данного направления изучения совместных воспоминаний (collaborative recall) детей и родителей наиболее интересными нам представляются случаи расхождений в описаниях событий прошлого. Если ребенок действительно усваивает родительскую схему организации автобиографической памяти, хоть и различную для «разрабатывающего» и «прагматического» стилей, но все же в обоих случаях предлагаемую ему в готовом виде, возникает исследовательский вопрос: как происходит индивидуализация воспоминаний?

При сопоставлении совместного со взрослым и самостоятельного рассказа об автобиографическом эпизоде были выделены следующие типы взаимодействия: «дидактический» и «провокационный». В первом случае родитель неустанно повторял ребенку историю о произошедшем событии и поощрял дальнейшее безошибочное воспроизведение этой истории. Во втором, напротив, родители провоцировали детей на неправильное воспроизведение истории, подвергали сомнению воспоминания детей, намеренно включали в рассказ ложную информацию. Была выявлена значимая отрицательная корреляция между количеством родительских «поддержек» в процессе воспроизведения детьми обсуждаемого воспоминания и количеством новой информации, самостоятельно включаемой детьми в автобиографический рассказ, и в то же время выделена положительная связь между количеством родительских «поддержек» и числом простых повторов содержания совместных воспоминаний [Nourkova, 2011].

На основании полученных результатов логично предположить, что ребенок не столько вспоминает эпизод прошлого сам, сколько воспроизводит рассказ родителей об этом эпизоде. Чем лучше повторяется рассказ, тем больше это поощряют родители, что усиливает мотивацию ребенка имитировать ту вербальную форму, которую ему транслирует взрослый. При партнерских отношениях в ситуации совместного построения автобиографического рассказа стимулируется не простая репродукция, а собственная активность при воспроизведении эпизода прошлого. У ребенка вырабатывается собственная позиция по отношению к рассказу, способность оценивать истинность воспоминаний («Этого не было!», «Я такого не помню»).

Таким образом, «провокационный разрабатывающий» стиль взаимодействия в диаде родитель – ребенок представляется нам более ресурсным для развития автобиографической памяти: оспаривая неверные воспоминания родителей, дети отстаивают свою точку зрения на произошедшую ситуацию, порождают значимо больше оригинальной продукции при самостоятельном конструировании автобиографического рассказа. Провокация, расхождение родительского воспоминания с собственным автобиографическим опытом формирует у ребенка конфликтное состояние (когнитивный диссонанс) и в то же время возможность для роста – выхода за пределы простого заимствования рассказа родителя, запуск процесса индивидуализации АП.

От коммуникативных функций автобиографической памяти обособляются саморегуляционные и прагматические функции. Наиболее поздними являются экзистенциальные функции, требующие достаточного уровня зрелости личности и высокой проработанности самой АП [Нуркова, 2000]. В результате у субъекта формируется систематизированная история собственной жизни, «субъективная картина жизненного пути» начинает рассматриваться как целостный конструкт. Экзистенциальные функции вносят вклад в становление диахронического представления личности о себе и формирование идентичности. Таким образом, АП участвует в формировании самосознания в его динамическом аспекте, так как со временем автобиографический материал становится регулируемым средством осознанного построения себя.

Социальная и культурная детерминация развития автобиографической памяти

Начальный этап становления автобиографической памяти связан с дискретными воспоминаниями – отдельными единицами памяти (в формах фотографического, важного, переломного, характерного воспоминания), а далее происходит развитие макроструктуры, представленной в виде целостной истории прошлого. Следуя выготскианской линии рассуждений о законах развития высших психических функций, рассмотрим этапы становления автобиографической памяти в онтогенезе.

Системообразующим принципом организации автобиографической памяти, с нашей точки зрения, являются усваиваемые из культуры «идеальные формы», детерминирующие развитие данной мнемической функции. Н.Н. Вересов, раскрывая экспериментально-генетический метод исследования психических процессов, подчеркивает, что развитие высших систем психики обеспечивается взаимодействием наличной, уже сложившейся формы («реальной») и развитой формы, которая предоставляется ребенку взрослым («идеальной»): «социальная среда является источником культурного развития, но само развитие возможно только в процессе реального взаимодействия этих форм» [Вересов, 2011, с. 32].

На начальных этапах формирования автобиографической памяти не вызывает трудностей проследить, как обеспечивается взаимодействие между «реальной» и «идеальной» формой. Описанный выше процесс совместного воспроизведения автобиографического рассказа в диаде родитель – ребенок и есть пример такого взаимодействия. «Прагматический» и «разрабатывающий» (реализуемый как «дидактический» или «провокационный») стили родительского реагирования на воспоминания детей оказывают влияние на характеристики автобиографической памяти последних. Получается, что ребенок, попадая в конкретную социальную ситуацию развития, осваивает уже существующие системы средств организации автобиографического опыта, в результате чего они становятся личными, внутренними, свернутыми и обобщенными.

Итак, развитие автобиографической памяти начинается с отдельного коммуникативно-мотивированного эпизода, образующего микроструктуру данной мнемической системы. Исследуя специфику детских воспоминаний, Э.Саламан отмечает их разрозненность и обособленность: «Каждое раннее воспоминание было островом, который ничто не окружало; объекты,

содержащиеся в таком воспоминании, казались не только необходимыми, но неподвижными и неизменно дорогими. Меня поразило, что воспоминание было подобно сцене в пьесе, и эту сцену можно перемещать целиком, из одного театра в другой, из одного периода – в другой...» [Саламан, 2005, с. 68].

Следующий этап формирования автобиографической памяти связан с возникновением таких новообразований, как конфигурации отдельных воспоминаний в различные целостные структуры. Эмпирические исследования показывают, что способность субъекта создавать связные нарративы развивается к позднему подростковому возрасту [Habermas, Bluck, 2000]. Автобиографический рассказ кристаллизуется в единую историю, которая организована по определенным правилам, в ней содержатся как идея самопонимания, объяснения себя, так и идея прогнозирования и антиципации будущих событий. Подросток сталкивается с задачей планирования своей жизни, выбором собственных жизненных ориентиров из всего многообразия, которое предоставляет культура. Можно ли выделить «идеальные формы» проекта собственной жизни, и, как следствие, эскиза для автобиографии?

Мы считаем, что на данном этапе развития автобиографической памяти меняется источник мотивации обращения молодого человека к прошлому опыту. От внешнего (как правило, выражаемого взрослым) побуждения вспоминать произошедшие жизненные события подросток переходит к внутренним детерминантам воспроизведения автобиографического материала. Другими словами, в подростковом возрасте мотивация обращения к автобиографической памяти исходит уже не из внешнего социального окружения (от семьи и значимых других), а от самого подростка: усиливается рефлексия своих поступков, интерес к себе как к становящейся, динамично изменяющейся личности.

Подросток начинает связывать события прошлого с текущей жизненной ситуацией и актуальным образом себя, формируется механизм автобиографической аргументации (autobiographical reasoning), понимаемый исследователями автобиографической памяти как ответ на вопрос: «Почему я стал таким, каким являюсь сейчас?», который обосновывается воспоминаниями [Pasupathi, Mansour, 2006]. Таким образом, в подростковом возрасте автобиографическая аргументация становится целевым средством исследования своего прошлого, при котором субъектом активно собирается материал для построения Я-концепции.

Развитие интегрального уровня автобиографической памяти

Кратко процесс становления макроструктуры автобиографической памяти можно выразить следующим образом: сначала ребенок рассказывает отдельные эпизоды прошлого в ответ на вопросы взрослого, далее иллюстративные, дискретные воспоминания начинают оцениваться подростком по степени значимости, формируя новый тип – важные и характерные воспоминания, которые со временем собираются в бытийные темы. Важно отметить, что усложнение функционирования АП, одним из векторов которого является кристаллизация целостной истории прошлого, не детерминирован закономерностями возрастного созревания психической функции как таковыми. Оно представляет собой результат культурного развития за счет овладения внешними «идеальными формами» – тем, на что нацелен процесс формирования диахронического измерения самосознания подростка.

Итак, в качестве специфических для автобиографической памяти средств развития мы предлагаем рассматривать репертуар культурных жизненных сценариев – социальных образцов событийной организации прошлого опыта. Многообразие конкретных культурных жизненных сценариев, обобщение которых является источником индивидуализации АП, собирается в три общие

категории: типичный сценарий, семейный сценарий, медийные сценарии, в частности литературный. Рассмотрим подробнее каждую категорию.

Типичный жизненный сценарий

Типичный сценарий жизни предоставляет субъекту средства организации своего автобиографического опыта «по рубрикам»: «детский сад», «обучение в школе», «поступление в вуз», «создание семьи», «работа» и т.д. Это предельно общая схема событийной последовательности жизни, которую человек интериоризирует в процессе социализации. Становление представлений о типичном сценарии происходит до позднего подростничества, с возрастом линейно возрастает типичность, встречается все меньше вариаций в их репрезентациях [Buckner, Fivush, 1998]. Авторами получены немногочисленные эмпирические данные о гендерных различиях в представлениях подростков о типичном жизненном сценарии. Так, девочки демонстрируют большую типичность и согласованность сценария.

Также получена значимая положительная корреляция между типичностью сценария и внутренней согласованностью истории своего прошлого, продуцируемой детьми. Несмотря на то что способность вспоминать автобиографические эпизоды развивается с раннего детства [Fivush, Bauer, 2011], способность создавать связную историю жизни появляется ближе к подростковому возрасту [Habermas, Bluck, 2000], синхронно с процессами наращивания представлений о сценарии типичной жизни.

Поскольку типичный сценарий – это культурно обусловленное семантическое знание, оно присутствует даже у тех представителей социальной группы, которые никогда не переживали событий, включаемых в сценарий. Помимо свойственной типичному сценарию абстрактности следует подчеркнуть социальную желательность входящих в него событий, что представляется вполне понятным фактом: люди предпочитают прогнозировать наступление положительных событий и игнорировать оценку вероятности отрицательных («думать о хорошем и не думать о плохом»). Следовательно, типичные сценарии парадоксальным образом не отражают обычную жизнь, а презентуют ее желаемый вариант.

В данном контексте возникает вопрос, совпадают ли наиболее часто включаемые в личную историю воспоминания прошлого (и в этом смысле действительно типичные) с событиями, включаемыми в типичный сценарий? Так, например, событие «развод» характеризуется высокой частотностью в современных реалиях. Однако респонденты не включают «развод» в типичный жизненный сценарий. В то же время эмпирически показано, что автобиографическая информация, соответствующая содержанию культурного жизненного сценария, при фиксации и извлечении обладает преимуществом по сравнению с несценарной. Таким образом, то, что люди чаще вспоминают, соответствует тому, что они включают в сценарий.

Распространяется ли этот принцип на типичные, но не сценарные события, такие как развод, смена работы, госпитализация и т.п.? Можно предположить, что на феноменологию воспроизведения автобиографического материала при создании целостной истории прошлого влияют как минимум три фактора:

- 1) однородность воспоминания в цепи индивидуальных жизненных событий (насколько оно схоже с остальными, к примеру, относится к той же жизненной теме);
- 2) частотность события, характерная для данной социальной общности;
- 3) сценарность, то есть соответствие разделяемым большинством членов общества представлениям о типичной жизни.

Одним из дискуссионных вопросов является детерминация опосредствования АП типичным сценарием жизни. Зарубежные исследователи напрямую связывают содержание автобиографии и

событийную последовательность сценария [Berntsen, Rubin, 2004; Bohn, Berntsen, 2011]. С нашей точки зрения, более вероятно, что в процесс обобщения представлений о том, что и когда произойдет в жизни подростка, и, следовательно, создания его личной истории, вносят вклад высокоспецифичные семейные и медийные сценарии. Таким образом, развитие автобиографической памяти обуславливается использованием ряда взаимодействующих социокультурных средств.

Семейный жизненный сценарий

Усвоение семейного сценария понимается нами как представленность в памяти человека значимых событий жизни своих родителей, близких родственников (а в пределе – это информированность о том, как жили предки, знание семейных архивов). Н.Браун и К.Своб ввели семантически схожее понятие «альтербиографическая память», содержаниями которой являются воспоминания о жизни своих родителей [Svob, Brown, 2011]. Авторы также исследуют феномен межпоколенной трансмиссии автобиографических воспоминаний (intergenerational transmission of autobiographical events), суть которого заключается в том, что воспоминания об определенных событиях жизни одного поколения встречаются в автобиографической памяти представителей другого поколения. В частности, исследовалась межпоколенная трансмиссия воспоминаний двух групп респондентов: «конфликтной» и контрольной. Родители респондентов «конфликтной» группы переживали в своей жизни серьезные политические потрясения (война, репрессии, революции). Было выявлено, что 25% воспоминаний о жизни родителей респондентов данной группы также связаны с военной тематикой. Авторы интерпретируют этот факт как пример передачи воспоминаний о «конфликтном», травмирующем опыте от одного поколения другому, в результате чего поколение детей помнит события, произошедшие с родителями так, как они выражены в воспоминаниях последних.

Мы предполагаем, что фактор значимости родительской модели жизни для респондента имеет критическое значение при оценке актуальности и полезности знания родительского жизненного пути и, соответственно, доступности воспоминаний о событиях жизни родителей. Эмпирически выявлены значимые взаимосвязи между уровнем сформированности «семейного нарратива» и различными показателями субъективного благополучия личности [McKeough, Malcolm, 2011]. В одном из исследований авторов нарративы изучались в условиях повседневного семейного общения («разговоры за обеденным столом»). Выборку составили 37 полных семей (количество детей в семье варьировало от 1 до 6, среднее составляло 2,7).

Процедура исследования заключалась в том, что спонтанно возникающие в процессе обеденного общения нарративы записывались на диктофон и впоследствии расшифровывались и анализировались исследователями. Было показано, что за время 20–30-минутного обеда нарративы рассказывались в среднем каждые 5 минут, а всего было выделено 235 нарративов, из них 12% являлись рассказами родителей о своей жизни. Было также выявлено, что матери вносят больший вклад в создание нарративов, чем отцы (вклад каждого из родителей измерялся механически посредством подсчета количества слов в протоколе текста воспоминания: в среднем 161,21 слова матерей и 89,54 слова отцов).

На следующем этапе исследования у детей измерялся уровень субъективного благополучия. Было показано, что в семьях, где доминирующим рассказчиком личных воспоминаний были матери, для детей характерны более низкие показатели по шкалам тревожности и депрессии (согласно авторам, это интрасубъектные показатели субъективного благополучия). В семьях, где доминировали отцовские воспоминания, у детей отмечались более высокие показатели эмоциональной регуляции поведения, в частности ниже агрессивность (интерсубъектное благополучие).

В эмпирическом исследовании, проведенном нами, исследовательский вопрос о связи семейного

сценария с субъективным благополучием ребенка был поставлен несколько иначе. Усвоение семейного сценария понималось как согласованность воспоминаний детей о жизни своих родителей и собственно воспоминаний родителей о своей жизни (межпоколенная согласованность автобиографической памяти). Было показано, что уровень согласованности семейных воспоминаний значимо положительно связан с функциональным потенциалом автобиографической памяти респондентов и выраженностью у них такого личностного качества, как жизнестойкость [Алюшева, 2012].

Литературный жизненный сценарий

Литературный жизненный сценарий мы рассматриваем как разновидность медийного сценария, который содержит совокупность представлений субъекта о возможной событийности жизни, моделях и идеалах поведения, почерпнутых из собственно культурных (в узком смысле данного понятия) источников, таких как кинематограф, театр, литература, различные СМИ и т.д.

Важнейшим мотивом, побуждающим человека обратиться к художественным текстам, является мотив самопознания. Однако следует отметить, что выявление и принятие субъектом сценария жизни из литературного произведения происходит при условии, что опыт чтения становится автобиографическим фактом индивидуальной памяти [Нуркова, Алюшева, 2012].

Р.Мар, Дж.Пескин, К.Фонг в работе, посвященной проблеме становления механизма автобиографической аргументации, высказывают теоретические предположения о роли чтения в развитии связной личной истории прошлого. По мнению авторов, читая художественный текст, подросток воссоздает связи между сюжетом книги и событиями своего прошлого, что является фактором создания и творческого оформления автобиографии [Mar et al., 2010]. Исследователи отмечают, что особый интерес представляет выявление особенностей автобиографической памяти у субъектов, в литературных предпочтениях которых значительную часть занимает поэзия, так как поэтический текст задает возможности перехода на более высокий смысловой уровень переживания и обобщения событий.

Литературные сценарии представляют собой варианты проживания жизни, осмысленные уникальной личностной позицией и мастерством писателя. Соответственно, в данном виде культурного жизненного сценария типичное в жизни передается автором как индивидуальное (как правило, подчеркивается уникальность судьбы литературного героя).

Мы предполагаем, что наиболее богатым материалом для экспликации литературных сценариев являются произведения классической романной формы. Жанр романа предполагает повествование о продолжительных жизненных периодах персонажей, нередко читатель получает возможность проследить судьбы героев от их рождения до смерти, а иногда в романе представлены жизни нескольких поколений. В данном контексте роман является наиболее сценарным литературным жанром.

Итак, наряду с предпочтением тех или иных художественных текстов, подростками активно выбираются сценарии, предлагаемые авторами и выступающие в роли «идеальных форм». Творческое овладение данными «идеальными формами» вносит существенный вклад в создание персональных вариаций в репрезентациях усвоенных жизненных сценариев (типичного и семейного).

Социализируясь в определенной культуре, которая хранит в себе представления об обыденном укладе жизни, воспитываясь в конкретной семье со своей историей и, как правило, устоявшимися взглядами на то, как следует протраивать жизненный путь, подросток также имеет возможность выбрать жизненные ориентиры в медийном пространстве. Он овладевает сценариями как

«идеальными формами» для рефлексии своего опыта и далее вспоминает личное прошлое, используя какой-либо сценарий из всех ему доступных, для организации воспоминаний в связную историю, отвечающую задачам текущей деятельности и актуальной на этот момент Я-концепции.

Мы предполагаем, что вариативное овладение сценарными формами выступает ресурсом для индивидуализации автобиографической памяти и имеет критическое значение в развитии автобиографии и, соответственно, в становлении самосознания личности, причем как в синхроническом аспекте (какими качествами обладает субъект сейчас), так и в диахроническом аспекте (какие события и ситуации формируют его жизненный путь). В итоге, следуя нашей логике рассуждений, макроструктура развитой автобиографической памяти должна представлять собой конфигурацию воспоминаний разной степени однородности.

Единство типичного и уникального в личной истории проявляется в том, что, вспоминая свою жизнь, респонденты с оптимальной организацией автобиографической памяти обращаются преимущественно к сценарным воспоминаниям, но также включают в репрезентацию жизненного пути оригинальные эпизоды. В свою очередь, преобладание какого-либо одного из типов воспоминаний является маркером неразвитой формы организации автобиографической памяти (т.е. сценарность и несценарность прошлого – не оппозиция). Важно отметить, что, несмотря на стандартность воспоминаний о значимых событиях, они сопровождаются субъективным переживанием неповторимости, оттого действительно уникальны для конкретного человека.

Вариативность культурных жизненных сценариев

Гипотеза о динамичности и вариативности сценариев: могут ли они изменяться в течение жизни, например при значимых изменениях социального контекста, проверялась в исследовании В.В.Нурковой и М.В.Днестровской [Днестровская, Нуркова, 2012]. Была выявлена культурно специфичная структура содержательной насыщенности воспоминаний о различных периодах прошлого у представителей городской и деревенской субкультур, а также у переселенцев из деревни в город. Таким образом, подтверждено, что сценарий как культурное средство организации нарратива изменяется в течение жизни.

Более того, человек не просто пассивно овладевает многообразием внешних образцов, «идеальных форм», но активно преобразует их и в итоге создает свои собственные, несводимые к сумме тех, которых он использовал (принцип системности). Автобиографическая память рассматривается нами как функциональный орган для решения актуальных задач поддержания диахронических аспектов самосознания. Когда начинается процесс концептуализации дискретных воспоминаний о событиях жизни и формирование целостных конструктов, по-разному называемых исследователями: «личная история», «автобиографический нарратив», «субъективная картина жизненного пути» и т.д., процессы социализации и индивидуализации автобиографической памяти сходятся.

Выводы

На основании анализа представленных в литературе психологических исследований развития автобиографической памяти можно сделать вывод о том, что проблема социализации в формировании автобиографической памяти достаточно хорошо разработана: выявлены различные типы детско-родительского общения по поводу автобиографических воспоминаний, установлены закономерности становления данной мнемической подсистемы в зависимости от условий социальной ситуации развития, изучена специфика детских воспоминаний в контексте присвоения

культурных норм. Однако открытым остается вопрос об источниках индивидуализации автобиографической памяти.

В статье раскрывается предположение о том, что ранним источником индивидуализации субъективной картины личного прошлого является особый «провокационный» стиль родительского общения по поводу автобиографических воспоминаний ребенка, в процессе которого детские воспоминания содержательно обогащаются. В роли «идеальной формы» здесь выступает беседа со взрослым, в результате преобразования которой ребенок самостоятельно воспроизводит дискретные автобиографические эпизоды. Далее на смену ведущему мотиву коммуникации со взрослым приходит мотив самоопределения, побуждающий подростка к активному поиску и оценке жизненных моделей в культуре. Последующей ступенью развития автобиографической памяти становится нарратив, для создания которого необходимо «собрать» разрозненные эпизоды в единую историю, сформировать макроструктуру автобиографической памяти.

Макроструктура автобиографической памяти во многом определяется интериоризованными «идеальными формами» – культурными сценариями жизни, организующими мнемический материал по смысловому принципу. В сценарный репертуар входят типичные, семейные и медийные жизненные сценарии (в частности, литературный).

Типичный жизненный сценарий является результатом вариативного усвоения и обобщения содержаний семейных и медийных сценариев. Соответственно, основным источником индивидуализации автобиографической памяти является произвольное оперирование с вариациями культурных жизненных сценариев. От выбора конкретного сценария зависит то содержание, которое человек вкладывает в построение истории своего прошлого, ведь мы запоминаем не все из того, что происходит, а то, что мы расцениваем достойным воспоминания.

Дальнейшее направление исследований развития автобиографической памяти посредством овладения репертуаром сценариев связано с эмпирической проверкой предложенных теоретических моделей, выявлением значимости вклада различных сценарных форм в создание автобиографии, а также характера влияния выявленных сценариев друг на друга.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке гранта президента Российской Федерации МД-3423.2011.6.

Литература

Алюшева А. Культурный жизненный сценарий как средство формирования автобиографической памяти: дис. ... магистра психологии. Моск. психол.-пед. университет, М., 2012.

Вересов Н.Н. Экспериментально-генетический метод и психология сознания: методология и принципы. В кн.: Психология сознания: современное состояние и перспективы: материалы II всероссийской научной конференции, 2011, 29 сентября–1 октября, Самара. С. 21–36.

Днестровская М.В., Нуркова В.В. Семантика нарратива о детстве как «зеркало» текущей самоидентичности. В кн.: Пятая международная конференция по когнитивной науке: тез. докл., Калининград, 2012, 18–24 июня. С. 343–345.

Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: Университет РАО, 2000.

Нуркова В.В. Культурно-исторический подход к автобиографической памяти: дис. ... д-ра психол. наук. Моск. гос. университет, М., 2009.

- Нуркова В.В., Алюшева А.Р. Жизнь как роман: опыт чтения и уровень развития автобиографической памяти. В кн.: Чтение и познание. Материалы 16-й научно-практической конференции по психологии, философии и педагогике чтения, 2012, 4–5 апреля, Москва. С. 61–64.
- Нуркова В.В., Митина О.В., Янченко Е.В. Сгущения в субъективной картине прошлого. Психологический журнал, 2005, 26(2), 22–32.
- Саламан Э. [Salaman E.] Коллекция мгновений. В кн.: У. Найссер, А. Хаймен (Ред.), Когнитивная психология памяти. СПб.: Прайм-Еврознак, 2005. С. 157–164.
- Bern E. Intuition and ego states: The origins of transactional analysis. San Francisco: TA Press, 1977.
- Berntsen D., Rubin D.C. Cultural life scripts structure recall from autobiographical memory. Memory and Cognition, 2004, 32(3), 427–443.
- Bohn A., Berntsen D. The reminiscence bump reconsidered: Children's prospective life stories show a bump in young adulthood. Psychological Science, 2011, 22(2), 197–202.
- Buckner J., Fivush R. Gender and self in children's autobiographical narratives. Applied Cognitive Psychology, 1998, 12(4), 407–429.
- Conway M.A. Memory and the self. Journal of Memory and Language, 2005, 53(4), 594–628.
- Fivush R., Bauer P.J. The Emergence of Recollection: How we learn to recall ourselves in the past. In: J.H. Mace (Ed.), The act of remembering: Towards an understanding of how we recall the past. Oxford, UK: Wiley-Blackwell, 2010. pp. 259–283.
- Habermas T., Bluck S. The life story schema. Motivation and Emotion, 2000, 24(2), 121–147.
- Mar R.A., Peskin J., Fong K. Literary arts and the development of the life story. New Directions for Child and Adolescent Development, 2011, No. 131, pp. 73–84.
- McKeough A., Malcolm J. Stories of family, stories of self. New Directions for Child and Adolescent Development, 2011, No. 131, pp. 59–71.
- Nelson K., Fivush R. The emergence of autobiographical memory: A social cultural developmental theory. Psychological Review, 2004, 111(2), 486–511.
- Nourkova V.V. Maternal reminiscing style as a predictor of memory source monitoring efficacy. Paper presented at the Conference Perspectives on Autobiographical Memory Development, Aarhus University, Denmark, 2011, 16–17 June.
- Pasupathi M., Mansour E. Adult age differences in autobiographical reasoning in narratives. Developmental Psychology, 2006, 42(5), 798–808.
- Svob C., Brown N.R. The intergenerational transmission of autobiographical events. Paper presented at the Conference SARMAС IX, New York City, 2011.
- Wang Q. Earliest recollections of self and others in European American and Taiwanese young adults. Psychological Science, 2006, 17(8), 708–714.

[Сведения об авторе](#)

Алюшева Анна Расимовна. Аспирант, кафедра общей психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.

E-mail: annaalyusheva@gmail.com

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Алюшева А.Р. Овладение репертуаром культурных жизненных сценариев как фактор развития макроструктуры автобиографической памяти. Психологические исследования, 2012, 5(25), 3. <http://psystudy.ru>

ГОСТ 2008

Алюшева А.Р. Овладение репертуаром культурных жизненных сценариев как фактор развития макроструктуры автобиографической памяти // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 25. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

[К началу страницы >>](#)